

В.В.Козина, С.В.Елеуханова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

О повседневной жизни населения Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны

В статье рассмотрена повседневная жизнь карагандинских шахтеров, строителей Балхашского металлургического комбината, жителей рабочих поселков, заключенных из Карлага, а также в целом жителей Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Великая Отечественная война, война, военные годы, повседневная жизнь, люди, Советский Союз, город, труд, система.

В настоящее время большой научный интерес вызывает тематика, отражающая повседневную жизнь людей. Актуальным является вопрос об изучении материально-бытовых условий жизни населения Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны.

К началу 40-х годов в Казахстане был создан и ускоренно развивался мощный промышленный потенциал, постепенно занимавший передовые позиции в Советском Союзе. Это определило его социально-экономическую и политическую значимость в военные годы. Центральный Казахстан, превращенный в годы индустриализации в регион с мощным промышленным потенциалом, приобрел стратегическое значение в экономике СССР. В связи с оккупацией Донбасса на него легла задача обеспечения углем электростанций, промышленных предприятий и транспорта не только республики, но и Урала, в особенности коксовых печей Магнитогорского комбината, городов и транспорта центральных областей России и пр.

Как известно, в 30-е годы в регионе сложилась отработанная система принудительного труда, была сформирована так называемая Трудовая армия, комплектование которой осуществлялось по линии НКВД из спецпереселенцев и представителей депортированных народов довоенных лет. С началом войны эта система была распространена на всё гражданское население путем введения всеобщей трудовой повинности и организации военизированных трудовых колонн. Официально считается, что в них направлялось население в возрасте от 16 до 50 лет [1; 319]. Но, проанализировав хранящиеся в Государственном архиве Карагандинской области сводки численности городского и сельского неработающего населения, получающего продуктовые карточки, нами обнаружено, что в регионе трудоспособными в это время считались мужчины в возрасте от 14 до 55 лет и женщины в возрасте от 15 до 50 лет [2; 21], т.е. фактически все трудоспособные мужчины, женщины и подростки, как местные жители, так и приезжие. Набор трудармейцев осуществлялся военкоматами, а сопровождение и сдача их предприятиям — работниками НКВД.

В экстремальных условиях войны практике использования принудительного труда отводилась первостепенная роль. В Карлаге в годы войны и послевоенный период содержались до 75 тыс. заключенных, т.е. в два раза больше, чем в 30-е годы. Кроме того, в военные годы в Центральном Казахстане существовала сеть лагерей для военнопленных и интернированных. Годы войны ознаменовались также продолжением политики депортации «неблагонадежных народов», которые пополнили ряды Трудовой армии, — немцев, чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, болгар, греков, турок и др.

Организация труда и быта мобилизованных в Трудармию немцев строилась на основе строжайшей дисциплины и безоговорочного подчинения установленному режиму. Исключалась возможность их общения с местным населением, не допускалось панибратства и близких связей. В производственной деятельности соблюдались постоянная настороженность и критическое отношение к их поведению. В «Положении о порядке содержания, дисциплины и трудовом использовании в рабочих колоннах немцев-переселенцев» отмечалось, что они формируются в отряды от 1500 до 2000 человек. Во главе отряда был начальник из чекистов-лагерников. Отряд делился на колонны с численностью от 250 до 500 человек, по производственному принципу. Колонну возглавлял чекист-лагерник, знакомый с производством, на котором использовалась рабочая сила колонны. Колонна делилась на бригады от 35 до 100 человек, в зависимости от условий производства. Бригадир, мастер-специалист, стоящий во главе бригады, мог быть и немцем. Немцам нельзя было работать на заводах взрывча-

тых материалов и на взрывных работах в шахтах и карьерах. Использование вольнонаемных вместе с мобилизованными немцами разрешалось только для ИТР. Но нехватка рабочих рук вынудила ГКО своим постановлением от 19 августа 1943 г. мобилизовать в угольную промышленность Казахстана дополнительно 15000 немцев. Были мобилизованы также женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет. Беременные женщины и имеющие детей до 3-х лет освобождались от мобилизации. Дети старше 3-летнего возраста передавались на воспитание остальным членам семьи, родственникам или сдавались в специально устроенные детские дома. По данным на 1 января 1945 г. коллективы карагандинских шахт состояли из 55523 человек, из них мобилизованных на трудовые работы немцев — 12208 человек, или 21,9% [3; 41]. Трудармейцы широко использовались и в сельскохозяйственном производстве.

О материально-бытовом положении трудармейцев на шахтах свидетельствуют многочисленные архивные и документальные материалы. Так, в постановлении Карагандинского обкома партии от 1 августа 1942 г. говорится: «На большинстве шахт...помещения, в которых живут трудармейцы...находятся в исключительно запущенном антисанитарном состоянии. Вода для питья и умывания подвозится с большими перебоями, а иногда по 2–3 дня ее совершенно нет. В большинстве общежитий комбината на 30-40 человек только одна бочка воды, а на шахте им. Костенко есть комнаты на 240 человек и также одна общая двадцативедерная бочка; кружек для питья воды нет. Большое количество рабочих не обеспечено постельными принадлежностями: на шахте №20-бис из 480 рабочих, прибывших по мобилизации, обеспечены матрацами 252 чел., остальные спят на голых топчанах; на ЦОФ из 350 мобилизованных имеют матрацы только 75 чел., остальные также спят на голых топчанах без постельных принадлежностей. Стирка белья не организована. Во многих общежитиях нет умывальников, работа шахтных бань не налажена. В результате антисанитарного состояния общежитий и отсутствия надзора разведены насекомые, рабочие вынуждены из-за этого спать на крышах землянок. Во многих общежитиях, где размещены мобилизованные рабочие, отсутствует освещение» [4; 36].

В Казахстане около 64 тысяч семей проживали в порядке уплотнения, остальные оставались под открытым небом. Считались устроенными семьи, живущие по 10 человек на площади 10–12 кв. метров, а в г. Балхаше норма уплотнения для переселенцев из Чечено-Ингушетии достигла 0,5 кв.м на одного жильца.

Помимо этого, вокруг бараков, где размещались трудармейцы, устанавливалась зона, огражденная забором или колючей проволокой и охраняемая военизированной охраной ГУЛАГа. Вход и выход из зоны с момента утренней и вечерней проверки разрешался по пропускам или в строю. Утром после подъема и вечером перед сном производилась проверка людей по спискам колонн. В случае отсутствия кого-либо из состава колонны немедленно объявлялся розыск, который производился оперативно-чекистскими органами. В целях обеспечения выполнения производственных планов и норм рабочий день устанавливался продолжительностью не менее 10 часов. Питание производилось по лагерным нормам два раза в день. При тяжелой физической работе отпускали продпомощь в размере 6 кг на человека в месяц.

Таким образом, в Трудовой армии существовали в это время две категории: трудармейцы, призванные из числа гражданского населения, находящиеся на правах строительных рабочих военизированных батальонов, и спецпереселенцы — в положении заключенных.

Широкое распространение принудительного труда в регионе объяснялось еще и тем, что в целом Карагандинский индустриальный район был одним из самых непривлекательных в стране для жизни и работы. Тяжелые жилищно-бытовые и культурные условия жизни населения региона в сочетании с резко континентальным климатом и удаленностью от индустриальных и культурных центров страны были тому причиной. Строительство жилого фонда здесь отставало от общего роста производительных сил, повсеместно ощущался острый недостаток в жилой площади, крайне необходимой для размещения кадровых и вновь прибывающих рабочих. Жилой фонд предприятий «Карагандауголь» всего на 34,1% состоял из капитальных зданий, остальные 65,9% — постройки здания временного типа: каркасно-щитовые, саманные и землянки, многие из которых были построены в 1930–1933 гг. и находились почти в полном разрушении. Порой на 1 человека, проживающего в квартире или общежитии треста «Карагандауголь», приходилось 2,9 кв.м. Не лучшим образом были обеспечены жильем и рабочие других предприятий Карагандинской области. Так, по тресту «Карагандажилстрой» рабочие-одиночки были размещены в типовых общежитиях комнатной системы, где на каждого проживающего приходилось всего 4,1 кв.м. Из 20 общежитий ФЗО радиофицированы 10, а к остальным не проведена линия. Семейные рабочие размещались в палатках, каркасно-засыпных бараках и в землянках,

по 2-3 семьи в одной комнате. Капитальные дома были построены в основном в 1933–35 гг. на подработках шахт и часто были непригодны для жилья. Землянки, которые были построены в 1941 г., вследствие непрерывного поступления подпочвенных вод использовались лишь частично. Уголь и воду в жилища, как правило, люди доставляли сами на себе [5; 61,62].

Ужасными были условия жизни заключенных. В первые же дни войны последовали меры, направленные на изоляцию и укрепление режима в лагерях особо опасных преступников. Было прекращено освобождение осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсии (троцкистов и правых), за бандитизм и другие особо тяжкие государственные преступления. Число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные преступления выросло более чем в 1,5 раза. За первые три года войны в лагерях и колониях ГУЛАГа были привлечены к уголовной ответственности 148296 человек, из них 118615 заключенных. К высшей мере наказания приговорены 10087 заключенных [6; 24].

В циркуляре от 21 сентября 1944 г. заместителя НКВД СССР комиссара ГБ 3 ранга С.Н. Круглова отмечается, что по имеющимся данным в НКВД СССР в отдельных исправительно-трудовых лагерях имеют место случаи грубого нарушения законности — незаконное применение оружия, избиение и другие самовольные действия по отношению к заключенным со стороны командиров, прорабов, помощников по быту и других представителей низовой лагерной администрации, а также со стороны работников военизированной охраны.

Противоправные действия по отношению к осужденным допускались личным составом ВОХР Самарского, Карабасского, Котурского и Тортаульского отделений Карлага [7; 17]. Незаконные действия, произвол работников лагеря вызывали недовольство среди заключенных и толкали их на серьезные нарушения режима: отказ от работы, умышленное членовредительство, отказ от приёма пищи и многодневные голодовки, групповые невыполнения требований лагерной администрации, массовые беспорядки, побег.

Ликвидация побегов осуществлялась расставленными вне территории лагеря оперативными заставами и постами ВОХР, у которых среди местного населения были «группы содействия» по задержанию беглецов. Эти группы содействия, охватывавшие до 600 человек актива местного населения, оказывали Карлагу серьёзную помощь в задержании беглецов. Они имелись в 67 населённых пунктах Карагандинской области. Членам «групп содействия», задержавшим бежавших заключенных, объявлялась благодарность и выплачивалась денежная премия в размере от 100 до 300 рублей.

Побег был своеобразной формой протеста против бездушного, преступного отношения должностных лиц из числа сотрудников административно-хозяйственного аппарата лагеря к нуждам осужденных, неудовлетворительной организации труда, питания, коммунально-бытового и медицинского обслуживания. Известный писатель А. Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» пишет: «Убеждённый беглец — это тот, кто знает, на что идёт. Кто видел и трупы застреленных беглецов, для показа разложенных у развода. Кто видел и привезённых живыми — синегожего, кашляющего кровью, которого водят по баракам и заставляют кричать: «Заключённые! Смотрите, что со мной? Это же будет и с вами? Кто знает, что чаще всего труп беглеца слишком тяжёл, чтобы его доставлять в лагерь, а поэтому приносят в вещмешке только голову или (по уставу так верней) — ещё правую руку, отрубленную по локоть, чтобы спецчасть могла проверить отпечаток пальцев и списать человека» [8; 126].

В военное время на территории Центрального Казахстана были организованы лагеря для военнопленных, например, в 1941 г. на базе Спасского отделения Карлага — лагерь для военнопленных и интернированных, который просуществовал до 1950 г., — наиболее крупный лагерь в Казахстане для заключенных данной категории. Через него прошли 66 160 (по другим данным 66 746) человек: 29 777 немцев, 22 225 японцев, 6 740 румын, 1 633 австрийца, 1 208 поляков, 1 088 итальянцев и пр. Он имел отделения на территории всей Карагандинской области: в Темиртау, пос. Спасск, Сарани, Дубовке, Кок-Узекке, Западном, Федоровке, при шахтах им. Костенко, им. Кирова, №№ 20, 26-бис, 31, 42/33, на Кирзаводе № 2, ДОКе и т.д. Существовали также меньшие по количественному составу лагеря: Балхашский № 37 — для пленных немцев и японцев, и Джезказганский № 39, образованные в 1945 г. За год в этих лагерях проходило в среднем от 3 до 5 тысяч заключенных. Эти лагеря просуществовали до 1948 г. [9; 134–137].

Советское правительство постоянно держало под контролем вопросы содержания военнопленных. В отличие от советских пленных в нацистских лагерях бывшие солдаты и офицеры вермахта проживали в обустроенных бараках, получали пусть и скромное, но регулярное продовольственно-вещевое и санитарно-медицинское обеспечение. Так, военнопленные приравнивались к военнору-

жащим тыловых частей Красной Армии по продовольственному и медико-санитарному снабжению. Были установлены нормы питания на одного пленного в сутки (в граммах): хлеб ржаной — 600, крупа разная — 90, мясо — 40, рыба и сельдь — 120, картофель и овощи — 600, сахар — 20 и т.д. (всего 14 наименований). В соответствии с постановлением СНК СССР от 24 ноября 1942 г. добровольно сдавшимся в плен выдавалась суточная норма хлеба на 100 грамм больше, чем остальным [10; 47]. 16 декабря 1942 г. НКВД вносит изменения в продовольственное снабжение военнопленных и вводит для них шесть норм питания: для рядового и младшего командного состава; для офицеров; для содержащихся на гауптвахте; нетрудоспособных; дополнительный противочинготный паек; противопеллогрозный паек.

Несмотря на принятые меры, организация питания пленных оставалась одной из самых острых проблем. В связи с этим 9 апреля 1943 г. НКВД СССР издает приказ «Об изменении норм продовольственного снабжения для военнопленных». В этом приказе были установлены новые нормы продовольственного пайка и котлового довольствия для военнопленных: содержащихся в лагерях и на приемных пунктах НКВД; больных дистрофией; общегоспитальных больных; генералов и офицерского состава. Для военнопленных, занятых на тяжелых работах, были введены нормы выдачи хлеба: для вырабатывающих до 50% нормы — 650 г; для вырабатывающих от 50 до 80% — 750 г; для вырабатывающих от 80 до 100% — 850 г; для вырабатывающих от 100% и выше — 1000 г. Для военнопленных генералов и офицерского состава нормы продовольственного пайка по основным видам продукции были одинаковы, за исключением выдачи генералам: мяса — 120 г, папирос — 20 штук, офицерам соответственно — 75 г и 15 штук. Офицеры получали на 30 г больше рыбной продукции, чем генералы. Генералам, как дополнительный продукт питания, давали 20 г сыра. За период 1941–1944 гг. нормы питания неоднократно пересматривались в сторону увеличения. Однако калорийность питания в любом случае не покрывала энергетических затрат человека, выполнявшего физическую работу. Такая ситуация объясняется не столько нежеланием центрального аппарата УПВИ НКВД разрешить проблему полноценного питания, сколько крайне неблагоприятной экономической ситуацией в стране. В ряде случаев продукты питания военнопленные и интернированные недополучали из-за неудовлетворительной работы снабженцев.

Масштабы гибели людей в лагерях были огромны. Эта тема требует большой и скрупулезной работы по мере того, как будут доступны все архивные материалы НКВД. Но даже и уже опубликованные документы свидетельствуют о тяжелых бытовых условиях в колониях, недостатке теплой одежды и обуви, росте заболеваемости и чрезвычайно большой смертности среди заключенных. В письме НКВД СССР секретарю ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметову о предоставлении управлением исправительно-трудовых лагерей рабочей силы для предприятий Казахстана от 11 марта 1942 г. отмечается высокая смертность на Акчатаустрое. Здесь за третий квартал 1942 г. умерли 168 человек; в октябре этого же года — 176 чел.; в ноябре — 276 чел.; в декабре — 375 чел. Д.А. Шаймуханов в своей книге «Карлаг» приводит, хотя и с оговоркой на неполноту данных, страшную статистику смертности: «...чрезмерно высокая смертность падает на 1943 год, когда почти ежемесячно умирало по тысяче человек... С 1940 по 1950 гг. в Карлаге умерло 40 тысяч заключенных» [11].

Наблюдалась высокая смертность населения тыла, которая была связана с длительным ухудшением условий для нормальной жизнедеятельности всех категорий населения и обусловлена неполноценным питанием или вовсе его отсутствием, что вызывало истощение, дистрофию, желудочно-кишечные заболевания, отравления и т.д.; тяжелыми условиями труда и быта. Ситуация усугублялась недостатком или отсутствием вообще квалифицированной медицинской помощи в связи с мобилизацией медиков на фронт и дефицитом лекарственных препаратов, так как фармацевтические предприятия страны оказались на оккупированной территории, что при ситуации, благоприятной для распространения инфекционных и хронических заболеваний, является немаловажным фактором.

Отличалась от основной части жителей Центрально-Казахстанского региона повседневная жизнь работников ОГПУ-НКВД. Целенаправленная политика льгот и привилегий делала службу в органах ОГПУ-НКВД привлекательной для всех, кто стремился любыми путями подняться на вершину социальной пирамиды. Добровольцам, поступающим в структуру ГУЛАГа, устанавливалась надбавка к заработной плате до 50%, за отдаленность. Завербованные сотрудники охраны Карлага получали подъемные и двойные трёхмесячные оклады. Командный состав получал оклад за звание и 200 рублей пайковых, помимо основной заработной платы. Для работников воензированной охраны ИТЛ устанавливались процентные надбавки к должностному окладу за выслугу лет: за 3 года непрерывной службы — 10%; за 6 лет — 20%; за 9 лет — 30%; за 12 и больше лет службы — 50%. Была также уста-

новлена выплата подъемного пособия командному и начальствующему составу при переводах и назначениях в пределах 200–500 руб., в зависимости от категории [12; 21].

Существовали и другие льготы и преимущества для работников исправительно-трудовых учреждений и их семей: в области трудового землепользования; сельского хозяйства; труда и социального страхования; народного образования; здравоохранения, а также при переездах по железным дорогам и водным путям; почтовые; денежные пособия; судебные; по обязательному окладному страхованию; по налогам и сборам; жилищные. Для служащих охраны и членов их семей предоставлялось право на бесплатное лечение, получение ежегодного безвозвратного денежного пособия. Они имели преимущество перед другими при поступлении на рабфак, высшие и другие учебные заведения. Для сотрудников исправительно-трудовых лагерей устанавливались льготы при приобретении и строительстве жилья, при покупке сельскохозяйственного инвентаря и скота, при оплате коммунальных платежей [13; 45].

Народный комиссариат внутренних дел предписывал строго наблюдать за тем, чтобы ВОХР Карлага ни в коем случае и ни при каких условиях не обслуживалась хуже, чем части Красной Армии. Этому способствовала проводимая политика по распределению имевшихся в стране материальных ресурсов, которая ставила армию в особое положение. На самом деле существовала большая разница между положенными нормами и реальным ассортиментом продуктов, получаемым сотрудниками охраны Карлага. Так, питание стрелков в ряде подразделений лагеря было неудовлетворительным. Кроме пшеничного супа, других блюд не готовили. Отсутствие в блюдах самых необходимых продуктов часто компенсировалось «присутствием в них инородных тел». Например, имелись случаи, когда в сахаре обнаруживали до 15% примеси муки. Стрелки ВОХР выражали массовое недовольство таким питанием. Помимо некачественной пищи, в столовых часто отсутствовала требуемая посуда: ложки, кружки, чайники, бочки. Начальствующий состав многих военных продовольственных складов не брезговал кормиться за счёт казённой провизии, списывая ее по актам как негодную и продавая затем самим себе же по заниженным ценам. Кроме того, стрелки охраны нередко попадали в зависимость от заключенных при распределении питания, так как поварами и заведующими складами назначались заключённые [14; 52].

Вещевым довольствием, или одеждой, обувью и т.д., охрана Карлага обеспечивалась также не в полном объёме. По положению ГУЛАГа для стрелков воензированной охраны лагерей и надзирателей мест заключения была введена форменная одежда рядового оперативно-административного состава. Она была без знаков различия, с красным продольным жгутом посередине петлиц. Однако в рапортах политработников того времени можно встретить такие выражения: «Охрана одета, как Красная гвардия в 1918 году, у солдат обмундирования нет, ходят голые и босые». Многим шинели выдавались несоответствующего размера, поношенные, рваные и даже сшитые из разноцветных кусков материала, да и ходили бойцы нередко в рваных ботинках и сапогах. Подавляющее количество наличного, вещевого имущества неоднократно ремонтировалось, реставрировалось. В замечаниях комиссии Карлага по вопросу о личном составе охраны лагеря отмечалось, что внешний вид стрелков не отработан. В связи с неполным вещевым довольствием и низкой культурой личного состава ВОХР Карлага допускалось ношение разнообразной, смешанной и даже неформенной одежды [12; 16].

Состояние санчастьей, общежитий, казарм было также далеко не удовлетворительным. Так, казармы, где проживали бойцы ВОХР, не соответствовали требованиям Устава внутренней службы. Из-за нехватки помещений вохровцы были вынуждены размещаться в землянках, палатках, бараках вместе с заключенными. Особо острой была проблема жилья в Саранском, Джартасском, Котурском, Исень-Гельдинском и Коксунском отделениях Карлага [11; 61].

Несмотря на столь напряжённое положение с жильём, отдельные категории сотрудников охраны имели право на дополнительную жилплощадь. К ним относились лица, награждённые орденами, некоторые категории военнослужащих командного состава. Определённые льготы предоставлялись и по квартирной плате. Жилая площадь, занимавшаяся командным составом и завербованными сотрудниками охраны, оплачивалась ими по пониженным ставкам.

Итак, бытовые и жилищные условия жителей Центрально-Казахстанского региона в годы Великой Отечественной войны были крайне неблагоприятными. В годы войны все производственные и продовольственные задачи призвана была решать Трудовая армия, комплектование которой осуществлялось по линии НКВД из спецпереселенцев, представителей депортированных народов довоенных лет и гражданского населения, а также новая категория спецконтингента — военнопленные и интернированные. И хотя правовое положение этих категорий было неодинаковым, повседневная жизнь сглаживала эти различия, часто делая правовой статус формальным. На особом положении на-

ходился личный состав и работники Карагандинского исправительно-трудового лагеря, хотя и они испытывали повсеместно трудности с питанием, обмундированием, нуждались в улучшении жилищных условий.

Список литературы

- 1 Депортированные в Казахстан народы. — Алматы: Арыс; Казахстан, 1998.
- 2 ГАКО. — Ф. 596. — Оп. 1/10. — Д. 21.
- 3 *Оразов К.* Рабочий класс Казахстана в Великой Отечественной войне. — Алма-Ата, 1975.
- 4 ЦГА РК. — Ф. 1987 — Оп. 1 — Д. 25; Индустриальная Караганда. — 1995. — 22 авг.
- 5 ГАКО — Ф. 596. — ОП. 1. — Д. 26.
- 6 *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. — 1991. — № 6.
- 7 Архив ПС и СУ. — Ф. 16. — Оп. 62. — Д. 567.
- 8 *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. 1918–1956: В 6 т. — Т. 6. — М., 1990.
- 9 *Михеева Л.В.* Иностранцы военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане: 40-е годы // Отан тарихи. — 2000. — № 3–4.
- 10 *Иваницкий Г.М.* Репатриация немецких военнопленных из Советского Союза // Трагедия плена: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. — Красноярск, 1996.
- 11 *Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д.* Карлаг. — Караганда, 1997.
- 12 Архив ПС и СУ Ф. — 16 — Оп. — 6. — Д. 221.
- 13 Архив ПС и СУ Ф. — 16 — Оп. — 6. — Д. 153.
- 14 Архив ПС и СУ Ф. — 16. — Оп. — 16. — Д. 44.

В.В.Козина, С.В.Елеуханова

Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Орталық Қазақстан халқының күнделікті өмірі туралы

Мақалада Қарағанды көмір бассейнінің жұмысшылары, Балқаш металлургия комбинатының құрылысшылары, жұмысшы поселкелері, рудниктер мен темір жол бекеттерінің, Қарлаг тұтқындарының, жалпы Орталық Қазақстан тұрғындарының Ұлы Отан соғысы жылдарындағы күнделікті өмірі туралы айтылады.

V.V.Kozina, S.V.Yeleukhanova

The everyday life of population of Central Kazakhstan during the World War II

In article the authors consider the everyday life of people. For Central Kazakhstan the study of material living conditions during the Great War is particular interest. Central Kazakhstan, transformed during the years of industrialization in the region with a powerful industrial potential, has acquired strategic importance in the Soviet economy.